

внимания и рассуждения автора рецензируемой работы о роли публичного выступления для создания имиджа отдельных сенаторов и senatorского сословия в целом.

Книга Ф. Пина Поло, таким образом, представляет читателю не только целостную концепцию и характеристику политической роли свободного слова в свободном обществе, но и наводит на мысль о необходимости исследования, так сказать, реликтовых элементов этой роли, которые, возможно, сохраняли известное значение и при Ранней империи. Актуальность темы, глубина источниковедческого анализа, четкость концепции, емкость и в то же время краткость изложения в книге побуждают обратить на нее внимание отечественного читателя.

О.Г. Колосова

M. Hose. Erneuerung der Vergangenheit: Die Historiker im Imperium Romanum von Florus bis Cassius Dio. Stuttgart – Leipzig: BG. Teubner, 1994. XII, 522 S.

Изучение античной историографии началось еще в древности, интерес к ней не ослабевает и по сей день, о чем свидетельствует неиссякающий поток посвященных ей монографий, статей и комментариев. Однако предметом целостного анализа является обычно творчество какого-то одного *regum scriptoris*, исключения же из этого правила редки. К их числу относится и книга немецкого исследователя Мартина Хозе «Обновление прошлого: историки в эпоху Римской империи от Флора до Диона Кассия».

Во введении (гл. 1, с. 1–4) автор констатирует, что в I в. н.э. произошел разрыв с некоторыми традиционными направлениями греко-римской историографии (почти отсутствуют труды по всеобщей истории и истории Рима *ab Urbe condita*), зато начиная с Кремуция Корда до Тацита развивается историография современности (*Zeitgeschichtsschreibung*). Однако после Тацита представители просенатской *Zeitgeschichtsschreibung* нам более не известны, зато, напротив, происходит ренессанс угасших было в I в. н.э. жанров всеобщей и римской истории *ab origine*. При этом происходит «смена парадигм»: греки Кефалион, Клавдий Харакс, Аппиан, Дион Кассий продолжили традиции Диодора, Тимагена и Николая Дамасского, а римляне Флор, Граний Лициниан, Вибий Максим – традиции Ливия. Возникает вопрос, что привело к подобным изменениям. Причем, как отмечает Хозе, «причины ренессанса историографии как универсальной истории нужно искать не столько в чисто литературных факторах, сколько во вновь пробудившемся интересе к подобного рода историописанию» (с. 4). Более конкретному выяснению этих причин и посвящена рецензируемая работа.

Во второй главе (с. 5–18) автор рассматривает роль истории в школьном преподавании периода Ранней империи. Указывается, что в элементарном и грамматическом образовании греков она не играла роли, однако исторические темы использовались в качестве основы для сочинений и декламаций. При этом обычно ограничивались фактами, содержащимися у авторов классической эпохи – Геродота, Фукидида, Ксенофонта, десяти ораторов¹. Несколькo иной была ситуация в римской школе, где исторический материал осваивался главным образом при чтении «исторического эпоса» – «Анналов» Энния и «Энеиды» Вергилия. Чтение эллинских и римских историков давало будущим ораторам широкие познания, использовавшиеся в декламациях на исторические темы. При этом греческие риторы, как и в преподавании, ограничивались классическим периодом своего собственного прошлого и не обращались к прошлому Рима, тогда как римляне брали примеры как из родной, так и из греческой истории².

В третьей главе (с. 19–52) разбирается вопрос о значении историографии вне системы образования, о формах рецепции историографии и о функциях последней. Автор отмечает,

¹ При изучении греческой истории акцент на классический ее период сохранялся еще в VI в. См.: Чекалова А.А. Прокопий Кесарийский: личность и творчество // *Прокопий Кесарийский. Войны с персами. Войны с вандалами. Тайная история*. М., 1993. С. 423.

² Любопытно, однако, отметить, что греческие авторы писали о римской истории неизмеримо чаще, чем римские о греческой.

что в древности существовало два вида восприятия исторических трудов – чтение наедине с собой и декламация, причем декламация возникла, по-видимому, раньше. Она была естественным явлением в культурной жизни эпохи Принципата (да и не только Принципата – А.К.), что свидетельствует о ее популярности как жанра и подводит нас к вопросу о причинах интереса людей той эпохи к истории и историческим трудам, а также к вопросу о значении историографии для античного человека вообще (с. 19–23).

В связи с этим Хозе приступает к рассмотрению функций античной историографии (с. 23–52), каковых он выделяет четыре: эстетическую, дидактическую, политическую и общественную. Он отмечает, что «у римлян налицо теснейшая связь между моральной и политико-дидактической функцией историографии, причиной которой было отсутствие четкого разделения частной и общественной жизни, характерного для эллинистических греков» (с. 32). Но уже у Ливия наблюдается стремление не столько побуждать к политически активным действиям, сколько использовать рассказ о прошлом для моральных наставлений. У Тацита происходит дальнейшая эволюция в этом направлении: он хочет не только поощрить обещание славы к блестящим политическим деяниям, сколько предостеречь от аморальных поступков (Ann. III. 65. 1). Причины такого положения дел коренятся в изменении государственного устройства: так как политическая инициатива находится лишь у принцепса, поощрение для политика-сенатора становится бесполезным и, вероятно, даже опасным (ср. Tac. Hist. I. 1; Ann. IV. 33).

С установлением империи изменились и возможности политического влияния историографии, которое можно было теперь определить, по мнению Хозе, лишь по реакции. Перед историками, на которых оказывалось прямое или косвенное давление, было три пути: 1) сопротивляться нажиму, писать и публиковаться с риском для себя (или публиковаться после смерти); 2) соблюдать некоторые условности в изложении; 3) угождать в своих трудах сильному миру сего. Последнее, казалось бы, самое безопасное, было, однако, тоже не лишено риска, ибо власть имущие подчас низвергались во прах, увлекая за собой своих сторонников, чему свидетельством пример Сеяна и связанного с ним Бруттедия Нигра.

Что же касается общественного компонента историографии, то она, как известно, с одной стороны, зависела от уровня общественного самосознания эпохи, а с другой, сама оказывала влияние на него. Однако, отмечает автор, напрямую проследить подобное взаимодействие по источникам довольно сложно.

В четвертой главе (с. 53–141) рассматривается творчество Флора, труд которого автор датирует эпохой Адриана. Хозе отвергает распространенный взгляд на его сочинение как на учебник, ибо вопреки традициям учебной историографии хронология у Флора нечеткая, число *exempla* невелико и т.д. Автор видит во Флоре биографа *populus Romanus*, поскольку тот представляет былые времена как «возраста» римского народа (*Praef.* 5–8), который выступает у него как нечто персонифицированное (*ibid.* 2), наподобие героя любой биографии. Правда, во второй части труда писатель почти не прибегает к персонификации, но это и неудивительно – ведь речь идет о гражданских войнах и отдельных группировках, а потому понятие коллектива, охватывающее все государство, лишено смысла (с. 73).

Говоря о расположении материала Флором по географическому принципу, Хозе отмечает, что данный метод не нов, им пользовался еще Геродот, его влияние чувствуется у Тацита. Однако, если у этих авторов он служил целостности изложения, то Флот с его помощью подчас (например, IV. 12.4–46) пытается внушать читателю мысль о связи между событиями, в действительности отсутствовавшей, но желательной с точки зрения художественного замысла писателя (с. 79 сл.).

Анализируя описание внешних войн Рима у Флора, Хозе отмечает его двойственное отношение к римской экспансии: с одной стороны, писатель признает ее славной и справедливой, так как она способствует установлению римского мирового господства, но, с другой (и в этом особенность его труда), некоторые войны он оценивает с моральной точки зрения. Кроме того, Флор отдает дань «провинциальному самосознанию», отмечая доблесть сопротивлявшихся римлянам народов³. Причина этого – в представлении о *corpus imperii*, в котором каждая часть занимает свое место и имеет свою ценность. Благодаря существованию этих двух перспектив труд Флора находится на грани между романоцентристским и имперским пониманием римской истории (с. 110–118).

Неоднозначно, по мнению Хозе, восприятие писателем и принципата. С одной стороны,

³ В особенности это касается испанцев, что неудивительно: с Испанией был связан сам Флор, оттуда происходили 25% сенаторов при Адриане, сам принцепс и его предшественник Траян (с. 134 сл.).

режим империи – это стабильность и порядок, свобода же у него нередко ассоциируется с бесчинствами, об Августе говорится в панегирических тонах, но, с другой стороны, в образе Цезаря сочетаются черты мягкого принцепса, павшего жертвой *invidia*, и справедливо убитого тирана, запятнанного кровью сограждан, а по поводу установления принципата говорится, что народ не имел иного выхода, кроме спасения в рабстве (с. 119–123). На наш взгляд, Хозе несколько преувеличивает эту двойственность, ибо упоминание о рабстве, которое нес принципат, не находит дальнейшего развития и является скорее всего данью риторике. То же относится и к редким упрекам в адрес Цезаря, которые заглушаются куда более многочисленными похвалами. К тому же основателем принципата изображен не он, а Август, и умеренная критика в адрес Цезаря еще не означает критики имперского режима как такового.

Для кого был написан труд Флора? Прежде всего он был рассчитан, как полагает Хозе, на элиту западных провинций и происходивших оттуда сенаторов, которую, понятно, не устраивала Ливиева романоцентристская концепция римской истории. Отсюда и похвала доблести отдельных народов, воевавших против Рима, и подход к некоторым войнам с моральной точки зрения и т.д. В сочинении Флора, таким образом, нашли отражение черты политики Адриана, направленной на дальнейшую интеграцию провинциалов в *raх Romana* и расширение правящего слоя империи (с. 128–137).

В пятой главе (с. 142–355) Хозе приступает к анализу труда Аппиана Александрийского, который стал первой подробной общей историей Рима на греческом языке после сочинений старших анналистов. Как и Флор, Аппиан располагает свой материал по географическому принципу (за исключением «Гражданских войн»), но, в отличие от Ливия и Флора, его внимание сосредотачивается не на Риме и *populus Romanus*, а на стране и народе, с которыми связаны те или иные из описываемых им событий. Особенно это чувствуется в книгах о войнах Рима с Карфагеном, в которых «строго говоря... изображаются не Пунические войны в их историческом единстве, но скорее история регионов, где проходили военные действия» (с. 175).

Рассказывая о внешних войнах Рима, Аппиан, по мнению Хозе, не ставил своей целью прославить или осудить римлян, о чем свидетельствуют следующие особенности его изложения: 1. В описываемых Аппианом битвах враги римлян проявляют истинное мужество, даже народы, населявшие Малую Азию, изображены отнюдь не как *geneta servitute nata*. Победы римлян объясняются не их моральным превосходством, а вполне конкретными обстоятельствами⁴. 2. Во многих войнах римляне выступают как защитники других народов (в первую очередь греков). 3. В отличие от других античных авторов, Аппиан воздерживается от обвинений в адрес целых народов или городов в вероломном нарушении договоров, развязывании войны и т.п., у него отсутствуют выражения вроде *fides Punica*⁵. 4. Учитывается правовой аспект римской внешней политики, причем часто в неблагоприятном для Рима свете. Все это Хозе считает проявлением так называемой *Nationes-Konzeption*, которая «означает не только рост провинциального самосознания, но и признание самостоятельного значения провинциалов, их собственного достоинства и определенных прав». Объяснение римского господства тем, что для подвластных народов *servitus utilis est*, не соответствовало положению этих народов в империи во II в. Куда лучше было видеть в Риме их защитника, но защита эта предназначалась не для «рабов», как у Цицерона (*Rep. III. 36*), но для народов и городов, которые *sui possunt esse* и потому обладают основными правами, на что и указывает Аппиан. Таким образом, историк выступал в духе своей эпохи, видя легитимацию империи в безопасности, обеспечиваемой ею своим подданным, но в то же время чутко реагируя на те морально-правовые проблемы, с которыми была связана римская экспансия (с. 247–253).

Очевидны параллели между Флором и Аппианом в изображении римских завоеваний: оба группируют материал по географическому принципу, оба обращают внимание на морально-правовую сторону многих войн Рима, оба признают доблесть его врагов. Хозе не считает причиной этих параллелей зависимость обоих писателей от общего источника, но допускает, что Аппиан позаимствовал у Флора концепцию труда и метод организации материала (с. 162–165). Исключить это, конечно, нельзя, но более вероятной нам кажется опора на один и тот же круг идей эпохи, а географический принцип изложения, как отметил сам Хозе, восходит еще к Геродоту.

⁴ См., однако, *App. Проесп.* 11, где победы римлян приписываются их доблести.

⁵ Следовало бы указать, встречаются ли вообще в греческой историографии аналоги подобных латинских выражений.

Особое место в труде Аппиана занимают гражданские войны, в повествовании о которых можно выявить его внутривосточные взгляды и прежде всего – взгляд на форму правления. Здесь он выступает как убежденный сторонник монархии, которая означает для него стабильность и процветание. Александрийский историк весьма благосклонно отзывался не только о Цезаре и Октавиане, но и о Сулле и даже Антонии – Сулла на время избавил государство от смуты, а Антоний помешал восстановлению республики после смерти Цезаря и фактически выступил как защитник единовластия. Противники же монархии (Брут, Кассий, Цицерон и др.), напротив, изображены в неблагоприятном свете (с. 265 сл., 278–282, 302–328 и др.).

Для чего и для кого писал Аппиан свой труд? Основная задача его сочинения – сравнение ἀρετή римлян с ἀρετή других народов и удовлетворение познавательных интересов своих читателей – представителей греческого культурного круга восточных провинций, чьи взгляды автор отражал (тогда как Флор обращался к верхушке латинского Запада). Именно этим объясняется интерес Аппиана к прошлому других стран и народов, к морально-правовым аспектам римской экспансии, к отношению центра с провинциями и т.д., что не мешало ему признавать величие империи и ее роль как гаранта стабильности и процветания. Труд Аппиана, отмечает Хозе, соответствовал интересам как провинциалов, так и империи, которая нуждалась в сотрудничестве с ними (с. 351–355).

В шестой главе (с. 356–451) речь идет о творчестве Диона Кассия, сочинение которого было написано между 210 и 220 гг. (с. 424–427). Обращает на себя внимание композиция его труда. Он отказывается от расположения материала по географическому принципу и возвращается к анналистическому методу, хотя следует ему не слишком жестко, особенно в повествовании об эпохе Империи, в центре которого находятся фигуры принцепсов. Кроме того, различные события занимают неодинаковое место у Диона в сравнении с его предшественниками: он вдвое подробнее излагает историю империи до середины II в., чем Аппиан, и царскую эпоху – чем Ливий. С другой стороны, Дион не так обстоятелен, как Ливий, при описании 2-й Пунической войны и гражданских войн 49–31 гг. до н.э., что свидетельствует об изменении в его глазах важности этого материала (с. 363). Свое наблюдение Хозе не конкретизирует, но речь, очевидно, идет о том, что историографа особенно интересовали те периоды, когда Рим находился под монархической властью.

При оценке описываемых событий Дион игнорировал игравшие немаловажную роль у Флора и Аппиана моральные критерии, больше внимания обращая на соображения полезности, эффективности. Именно с этой точки зрения рассматривается и римская экспансия. «Моральное» обоснование войн у него остается на втором плане, на первом же месте, как правило, борьба за господство. Соответственно оправдывается и существование Римской империи – дело не в том, что она представляет собой владычество «лучших» над неполноценными или необходима для защиты подданных, а в невозможности отказа от господства, ибо иначе Риму грозит гибель от соседей (Dio Cass. 38. 39. 3), в чем явно чувствуется параллель с Фукидидом. То, что с существованием империи связаны безопасность и процветание подданных, выражается лишь имплицитно; при этом особого внимания к значению провинций не наблюдается, упоминаются «национальные» недостатки различных народов (галлы необузданны, британцы излишне жестоки и т.д.), но антитеза «эллина – римляне» отсутствует (с. 366–388, 421 и др.).

Аналогичная картина и в вопросе о форме правления. Необходимость принципата Дион обосновывает с прагматической точки зрения, не заботясь о его моральном оправдании. В целом мнение Диона (41. 39. 4–5) совпадает здесь с мнением Флора (IV. 3. 6). Однако, признавая *necessitas principatus*, историк оценивает императоров (в особенности Коммода и его преемников) по их отношениям с сенатом (значение которого у Флора и Аппиана невелико), и тут, конечно, изменяет своей беспристрастности, переходя на морализаторские позиции (с. 390–399, 406–409).

Труд Диона был написан для имперской верхушки (как западной, так и восточной), в особенности для сенаторов, к числу которых принадлежал и сам автор. Он ставил перед своим сочинением как познавательные, так и политико-дидактические цели. Если верна датировка написания временем между 210 и 220 гг., то автор надеялся на резонанс созданного им труда в высших кругах. Хозе аргументирует гипотезу Ф. Миллара о том, что Дион изложил зимой 214/215 г. перед Каракаллой речи Агриппы и Мецената. Именно Каракалле, только что расправившемуся с Гетой и его сторонниками, были адресованы книги, посвященные Августу (более 1/8 всего сочинения!). Дион «продемонстрировал на примере основателя принципата, что несмотря на опасные события, связанные с достижением власти, путь к внутреннему миру в принципе возможен» (с. 430). Положительно в

конечном счете оценивая Августа, историк хотел показать: сенаторы готовы судить о правителе не по отдельным эксцессам, будь то проскрипции второго триумvirата или расправа с Гетой и его приверженцами, а по общим итогам его правления. При этом Дион не забыл вложить в уста Мецената пожелания, призванные обеспечить respectable и безопасное положение сената в рамках режима, очевидно, «подсказывая» императору путь к согласию с patres.

В седьмой главе (с. 452–480) Хозе останавливается на трудах историков II–III вв., от которых сохранились лишь фрагменты или вообще только упоминания об их авторах. Среди них были и ревнители староримских традиций, отрицавшие сближение с провинциями (Граний Лициниан), и эллинские антиквары, сосредоточивавшие свое внимание на истории классической Греции и иногда Востока (Кефалион, Ясон Аргосский), и авторы универсальных трудов (Клавдий Харакс, Флегон из Тралл, Хрисер).

В заключении (с. 481–486) Хозе подводит итоги своего исследования. Причины «смены парадигм» в историографии во II–III вв. он видит в изменении ситуации внутри империи. С I в. началось втягивание провинциальной элиты в управление, а ее не устраивали традиционные концепции римской истории в духе Ливия. Со времени «траяновского поворота» (trajanische Wende) у нее появилась возможность переосмысления прошлого. Примером такого переосмысления для латинского Запада стал труд Флора, а для греческого Востока – сочинения Аппиана, Клавдия Харакса и Хрисера. Между ними, конечно, есть различия – сочинение Флора выдержано в духе римской имперской идеи, в нем присутствуют выпады в адрес Востока и его глетворного влияния на Рим, чего нет в трудах названных эллинских историков, проводящих идею гармонии между Римом и различными частями империи. Доказательством успеха усилий по интеграции, которые поддерживала и историография, Хозе считает труд Диона Кассия, считавшего себя одновременно и римлянином и вифинцем и не прибегавшего к антитезе «эллыны – римляне». После него в условиях разразившегося кризиса III в. сочинения по римской истории ab Urbe condita (за исключением Азиния Квадрата) более не создавались. «Можно удивляться тому, что несмотря на политическую нестабильность... – пишет Хозе, – империя не потерпела ущерба. То, что центробежные тенденции в эту эпоху не имели большого значения (? – А.К.), подчеркивает успешность интеграции в империю некогда поверженных и превращенных в провинции областей. Не было ли это также и заслугой историографии II в., которая добилась примирения населения провинций с историей империи, т.е. результатом историографического обновления прошлого?» (с. 486).

В книге Мартина Хозе нет принципиально новых «глобальных» концепций, оригинальные суждения автора касаются преимущественно конкретных вопросов. Но его монография ценна не только многочисленными интересными соображениями и наблюдениями. Она прекрасно отражает современное состояние проблемы в целом. Однако самое главное состоит в том, что Хозе не ограничился дискретными исследованиями сочинений того или иного автора, а дал широкую панораму греко-римской историографии II–III вв., проанализировав творчество историков того периода в их тесной взаимосвязи. Поэтому рецензируемая книга, несомненно, будет весьма полезной для всех тех, кому приходится сталкиваться в своих изысканиях с трудами *regum scriptorum* II–III вв.

А.В. Короленков

F. MERCOGLIANO. «TITULI EX CORPORE ULPIANI». Storia di un testo. Napoli: Jovene Editore, 1997. XII + 121p. (Pubblicazioni della Facoltà di Giurisprudenza dell'Università di Camerino. № 44)

Небольшая по объему книга неаполитанского романиста Феличе Меркольяно посвящена так называемым «Фрагментам» Ульпиана¹, которые принадлежат к не слишком многочисленной группе сочинений римских юристов, дошедших до нас не в составе Юстинианова

¹ Их перевод на русский язык был выполнен Е.М. Штаерман и впервые опубликован в «Приложении» ВДИ (1971. № 2. С. 184–209), а недавно переиздан в выпускаемой Центром изучения римского права серии «Памятники римского права» (*Юлий Павел. Пять книг сентенций к сыну. Домиций Ульпиан. Фрагменты.* М., 1998).